

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

РОСПИСЬ ПО ДЕРЕВУ В РЯДУ МУЖСКИХ ПРОМЫСЛОВ МЕЗЕНСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКОВ

Кушкова Л.В.

*Государственное музейное объединение
«Художественная культура Русского Севера»*

WOOD PAINTING IS AMONG THE MALE CRAFTS OF THE MEZEN DISTRICT OF THE ARKHANGELSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – FIRST THIRD OF THE XX CENTURIES

Lyudmila V. Kushkova

State Museum Association “Artistic Culture of the Russian North”

DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2022.1.79.595

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены ведущие промыслы мужского населения Мезенского уезда Архангельской губернии второй половины XIX – первой трети XX веков, среди которых особое место занимает художественный промысел росписи по дереву. Уделяется внимание новому аспекту – значению мезенской росписи в формировании дохода семьи и развитии кустарного производства на Севере.

ABSTRACT

The author considers the leading crafts of the male population of the Mezen district of the Arkhangelsk province in the second half of the XIX – first third of the XX centuries, among which a special place is occupied by the artistic craft of wood painting. The article considers a new aspect – the importance of Mezen painting in the formation of family income and in the development of handicraft production in the North.

Ключевые слова: Промысел, Мезенский уезд, мезенская прялка, подражательные центры.

Key words: Craft, Mezen county, Mezen distaff, imitation centers.

К теме народных промыслов обращался широкий круг этнографов, культурологов, искусствоведов, краеведов [1–11; 13; 23]. Собранные ими сведения свидетельствуют о большом разнообразии занятий мужского населения Мезенского уезда во второй половине XIX – первой трети XX века. Мезенская роспись – один из наиболее известных русских художественных промыслов. Изучение истории развития промысла, понимание истоков художественной традиции, способствует сохранению культурного многообразия, преемственности поколений, служит продолжению традиционного ремесла как средства самосохранения человека и общества. Актуальность исследования данной темы возрастает в связи с процессами, которые протекают в современной экономике. С развитием индивидуального предпринимательства часть населения обращается к историческому прошлому, традициям кустарного и ремесленного производства и организует на их основе свою деятельность, согласуя её с потребностями современного общества. Изучение исторического опыта поможет правильно оценить тенденции развития мелких предприятий, найти

более эффективные формы, раскрыть механизмы их устойчивости в условиях изменяющейся рыночной ситуации.

Целью статьи является комплексное изучение мужских промыслов Мезенского уезда Архангельской губернии, в частности художественного промысла мезенской росписи, а

также определение ее места в формировании дохода крестьянского хозяйства.

Эту тему невозможно изучить без анализа письменных и изобразительных источников. Данная статья построена на документах, впервые вводимых в научный оборот, в том числе использованы материалы историко-этнографических экспедиций северных музеев. Основными методами исследования стали сбор информации, сравнение, анализ.

Основу жизнедеятельности населения бассейна реки Мезени составляли морские промыслы. В море ходили в течение всего года с небольшим перерывом для выполнения домашних хозяйственных работ. Промысловые сроки позволяли одному промышленнику участвовать не более чем в трёх путях в году: промысле сёмги на тонях, наваги на Канинском полуострове и в зверобойном промысле. В прибрежном лове рыбы на тонях были задействованы мужчины и женщины, а также подростки с 15 лет. Сёмгу ловили с июля и до появления льда. Добытую рыбу возили в карбасах в Архангельск, зимой – санным путём в Мезень, сдавали перекупщикам. По окончании прибрежного промысла рыбы на тонях, отправлялись в отхожий промысел на Канинский полуостров. Как мужчины, так и женщины, ходили на Канин на промысел наваги, который продолжался с октября по март. Навагу ловили рюжами длиной 5–7 метров в устьях рек или на удочки. Помимо наваги в рюжи попадала камбала и корюшка. Рыбу морозили и сдавали в скупку. Не менее важным был промысел морского зверя, в

котором участвовали преимущественно мужчины. Торосовым промыслом вблизи берега, наравне с мужчинами, занимались и женщины. На зимний промысел на остров Моржовец отправлялись в феврале, в праздник Сретения Господня. Промышленники жили в промысловых избушках в Больших и Малых Кедах, откуда ходили на Моржовец пешком по льду с лодками. Из промыслового орудия брали винтовку-трёхлинейку, кутило (гарпун) и нож для разделывания туши. Добытую шкуру с салом связывали в юрки. Перетопленное сало зверя возили в Архангельск, а также в Норвегию [20]. «В удачные годы артельщики в 2–3 недели добывали по 25–75 рублей на человека» [12, с. 105]. Помимо морских промыслов население занималось речным и озёрным ловом рыбы, строительством маломерных морских судов. Более крупные морские суда (шняки, ёлы) строили в Койде, где дома имели большие дворы [19].

Одним из ведущих промыслов богатого пушниной Мезенского уезда была охота. Этот вид промысла не требовал особых затрат и проводился в свободное от основных занятий время. Способы охоты были разнообразными: охотились на мелкую и крупную дичь, с собаками и без них. Охота приносила значительную выгоду. В «Обзоре Архангельской губернии» за 1910 год приведены статистические данные по занятости населения в охотничьем промысле и доходах от него. Мезенский уезд занимает второе место после Печорского по прибыли: 48526 руб. / 1577 промышленников [15, с. 85].

В Мезенском уезде было развито мясное животноводство. В городе Мезени ежегодно продавали до 30 откормленных волов, а всего в уезде – до 700. На одного вола приходилось от 2 до 8 пудов сала [12, с. 100]. Закупка волов производилась, главным образом, в октябре – ноябре. Архангельские мясники перегоняли скот через Пинегу и Холмогоры по зимнему почтовому тракту. Не закупленный архангельскими мясниками скот забивался на месте и в мороженом виде сбывался на Никольской ярмарке в Пинеге. «По данным Архангельского губернского статистического комитета за 1879 год, из уездов Мезенский занимал первое место по количеству скота. Мезенский скот тогда составил половину всего скота губернии. Столь высокие показатели поддерживались благодаря оленьему стаду, которое составляло 78,3 % всего скота в уезде» [12, с. 100]. Некоторые семьи имели стада оленей до 200 голов. Олени не требовали больших усилий для разведения и содержания. Кожи оленей шли на изготовление одежды, подбивку лыж и покрытие жилищ. Также олени шкуры использовались для выделки замши на местных кожевенных заводах. Шерсть употребляли на набивку матрасов, а мясо (языки и окорока) коптили и продавали. Все остальное шло на питание.

Лошади в Мезенском уезде были особой породы, которая пользовалась известностью далеко за пределами Архангельского Севера. Так, «в 1861 году по просьбе управляющего государственным коннозаводством в Мезени было закуплено несколько породистых мезенских лошадей, которых весной того же года по столичному тракту “с бережением” отправили в Санкт Петербург» [9, с. 46]. Цена мезенских лошадей на Пинежской и Алексеевской ярмарках достигала в начале XX века 80–120 руб., стоимость обычной крестьянской лошади составляла 20–25 руб. [17]. Лошадьми торговали и в селе Важгорт Яренского уезда. В 1858 году на мезенских ярмарках было продано 292 лошади на сумму 6072 руб. [9, с. 46]. Со второй половины XIX века решением губернских властей в Пинеге ежегодно проводились выставки лошадей, где мезенки завоевывали призовые места, а хозяева лучших лошадей удостоивались наград в виде денежных премий и похвальных листов.

Незначительный процент населения (5% в 1911 году) [12, с. 105] занимался отхожими промыслами. Временная, чаще всего сезонная работа, позволяла добыть средства к пропитанию и уплате налогов крестьянам, не имеющим возможности заработка в родном селе или деревне. Люди уходили на работу в соседние губернии, уезды или в другие деревни Мезенского уезда. Из отчёта об экспедиции в Мезенский район 1982 год сотрудников АОКМ Л.Д. Фирсовой и Л.И. Цветковой узнаём ценные сведения о занятиях отходников в 1907 году: 53 человека работали матросами на судах; 50 человек было занято на ремонте дорог; коновальским промыслом зарабатывали 270 человек; извозом и содержанием станций занималось 986 человек; на лесозаводах и иностранных судах трудились 727 человек [18].

Кустарные промыслы Мезенского уезда удовлетворяли многочисленные нужды натурального хозяйства и представляли собой широкий спектр занятий.

Кожевенное производство – один из ведущих промыслов в нижнем течении Мезени. «В Дорогорской волости в 1914 году было 5 кожевенных предприятий с применением наёмного труда, в Кимже – 3» [17]. Кожевни находились на полях за деревней. Наёмный труд использовали на самых тяжёлых работах. Квалифицированные работники сбивали шерсть со шкуры скобелем, сбивали жилы косой-стойкой. Затем шла обработка шкур в чанах – дубниках, зольниках. Шкуры полоскали в реке, мяли. В мастерских кожи доводили до готовности: чистили мездру, красили чёрной краской и дёгтем. Кожевенники сами кроили кожи. В восьми сапожных мастерских шили обувь. Выделанные кожи вывозили на ярмарки в Мезень, Пинегу, продавали в Норвегии. Кожевенному производству сопутствовали заготовка дёгтя, извести, дубильных веществ из ивы и берёзы.

В нижнем течении Мезени, в деревне Тимошеле был развит гончарный промысел. Бытовала такая поговорка: «Не боги горшки

обжигают, а тимощёлы» [21]. Деревенское прозвище местных жителей «горшки» – красноречиво говорит об основных занятиях крестьян, которые изготавливали в свободное от сельскохозяйственных работ время латки, кринки, морильницы, кисельницы, чашки, горшки, кубы, корчаги, печные трубы и грузила. За 3–4 месяца получали 500–600 изделий [19]. Глину добывали осенью после первых морозов и вымораживали несколько дней на улице. Затем по 6–7 возов вывозили на сани к дому, где глина оставалась до следующего года. Изделия изготавливали дома. Прошлогоднюю глину разбавляли горячей водой в долблённом корыте и оставляли на несколько часов, пока она не становилась единой массой. Посуду делали на гончарном круге, сушили, переворачивая через 12 часов, чтобы не лопнула, в течение 5–7 дней, пока не посветлеет. Обжигали в печах так называемых «заводов»¹, которые устраивали на полях за деревней. Реализация продукции производилась в деревнях Мезенского уезда. Везли зимой в сани с сеном, продавали, меняли на хлеб, рыбу. Доходность гончарного промысла уступала столярному, рыболовному и лодочному промыслам [21, с. 315].

Литейная мастерская в Кимже – редчайшее явление для крестьянской среды. Славились в Кимже мастера медных литейных дел Дерягины. Мезенские крестьяне работали на цилемских медных рудниках, откуда медь через Мезень доставлялось обозами в Москву. Обычно привезенную медь с помощью зубила дробили на мелкие кусочки, которые складывали в медный горшок и плавляли в печи. Расплавленную медь специальной ложкой разливали по формам, а колокола отливали в земляных формах по специальной модели [9, с. 9–10].

Промысел росписи по дереву был сосредоточен в селе Палашелье Койнасской волости до конца XIX века. Позднее появились подражательные центры на Печоре, в Карелии, в Холмогорском и Пинежском уездах Архангельской губернии. Мастера брали местные материалы, инструменты изготавливали сами. Основой прялок были ель или сосна, выкорчеванные с корнем. Их сушили, строгали, обтёсывали, скоблили – топором, ножом, стеклом, наждачной бумагой [22, с. 54–55]. Материалом для изготовления корбеек, лукошек, солониц, ложек, веретён чаще всего служила более плотная древесина и луб берёзы. Краску изготавливали на основе растёртого прибрежного мергеля – окаменевшей глины; для получения чёрной краски использовали сажу, которую растворяли с листовичной смолой. В одной из частушек есть такие слова: «Прялки писать, да увалы² ковырять – это палашёлы». Среди мастеров была своего рода специализация: одни

изготавливали и расписывали прялки, другие – короба, трети – чаши и ложки. Были и мастера широкого профиля. Изготовлением и росписью прялок в Палашелье занимались преимущественно мужчины.

Распространению мезенских прялок способствовали ежегодные ярмарки и торжки. Мастера расписывали за день по 20 прялок. Мезенские прялки были красивыми и дешевле двинских, они стоили от 10 до 90 копеек. Торговали ими с возов. В Ведомостях о торговых оборотах и отчётах мезенских и пинежских приставов о прошедших ярмарках значится щепной товар или деревянные изделия, среди которых были изделия с мезенской росписью. В народе бытовала такая частушка: «У меня базарна прялоцка, очень долги типуши³, на ней кони и олени, прялку с Вашки привезли».

Основные ярмарки, через которые получали распространение предметы с Мезенской росписью: Афанасьевская в Усть-Вашке (1–10 января), Введенская (22–28 ноября) и Крещенская (10–20 января) в г. Мезени, Никольская (4–14 декабря) и Алексеевская (10–20 марта) на Пинеге; а также в с. Важгорт Яренского уезда (12–19 января).

Предметы с палашельской росписью участвовали в Промышленных выставках. В описи «Санкт-Петербургской Всероссийской кустарно-промышленной выставки», проходившей в марте 1902 года, указаны изделия, купленные у крестьян деревни Палашельской Койнасской волости: 5 лукошков – 75, 55, 38, 20, 10 коп.; 3 хлебни – 50, 40, 30 коп.; 8 тарелок – 7, 9, 12, 15, 20, 25 коп.; 7 чашек – 20, 18, 14, 12 коп.; 3 больших ложки – 20, 15, 10 коп.; 12 столовых ложек: 6 штук по 17; 6 штук по 13 коп.; 1 солонка – 10 коп. В этой же описи сделана приписка: «Производство изделий происходит в незначительном количестве для местного населения, мастерских не имеется» [16]. В 1913 году предметы с мезенской росписью (лукошки, хлебницы, ложки) были отобраны на «Русскую кустарную выставку в Берлине» [5, с. 21]. Это свидетельствует о том, что художественный промысел мезенской росписи имел не только местное значение. В то же время ни один из мастеров росписи не указал её как личный промысел в переписи 1920 года. Мастера по всей стране объединялись в артели, так и в Палашелье в 1923 году начало работу деревообделочное товарищество [7, 232]. По переписи 1926 года свыше 40 мужчин заняты изготовлением деревянных изделий [8, с. 20]. В отчёте Мезенской экспедиции 1929 года приведены сведения о сосредоточении в селе Палашелье щепного промысла, в котором круглый год в свободное от полевых работ время занято до 200 человек с доходом в 50 рублей на человека [14, с. 397].

1 Завод – небольшой сарайчик, кровля которого состояла из досок, свободно лежащих на балках. Во время обжига кровля над горном разбиралась.

2 Увал – угор, пологий склон [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1062290> свободный (дата обращения 14.05.2021).

3 Городки в верхней части прялки

В разные отрезки времени мужские промыслы в Мезенском уезде развивались и угасали. К концу XIX века сходят на нет дальние промыслы на Новую Землю и Колгуев. Прибыльными остаются добыча тюленя, нерпы и белухи, лов сёмги и наваги. К началу XX века в меньшей степени доходной становится охота. Промысел мезенской росписи, напротив, набирает силу в первой трети XX века. О расширении и развитии художественного промысла свидетельствует наличие фамильных династий мастеров, его полицентричность, количество вещественных источников этого периода в музейных собраниях. Росту кустарного производства способствовала государственная политика. В 1919 году был принят декрет о мерах содействия кустарной промышленности. Расцвету промысла благоприятствовала и новая экономическая политика 1921-1928 годов, в условиях которой получили развитие не только потребительские общества, но и снабженческая, сбытовая, промысловая кооперация.

На сегодняшний день изделия самодеятельных народных художников по праву входят в сокровищницу отечественного культурного наследия. Близкие миру природы, несущие в орнаменте символы общечеловеческой культуры, произведения мезенских мастеров заслуживают пристального внимания и дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дмитриева С.И. Мезенские прялки : (к вопросу о происхождении мезенской росписи) // Сов. Этнография.– 1988.– № 1.– С. 130–133.
2. Круглова О.В. Мезенская роспись по дереву : (по материалам экспедиции в Архангельскую область // Сов. Этнография.– 1964.– № 3.– С.118–123.
3. Арбат Ю.А. Светлый Север : рассказы и очерки о русском Севере, его людях и его народном искусстве.– Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологодское отд-ние, 1970.– 292 с.
4. Бернштам Т.А. Поморы: формирование групп и система хозяйства.– Л.: Наука, 1978.– 176 с.
5. Мироненко М.Л. Палашельская роспись из собрания Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» : каталог.– Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2005.– 184 с.
6. Молчанов К.С. Описание Архангельской губернии, ее городов и достопримечательных мест со многими древними историческими известиями и замечаниями к дополнению Российской истории служащими, из разных рукописных и печатных книг монастырских церковных архивов. / собрано Козмой С. Молчановым.– СПб. : при Имп. акад. наук, 1813.– [8], 319 с.
7. Новиков А.В. Деревни Лешуконья. – Архангельск: Поморский университет, 2007. – 592 с.
8. Новиков А.В. Заповедное Палашелье: история одной деревни в событиях и лицах. – Архангельск: Лоция, 2014. – 201 с.
9. Окладников Н.А. Заповедная Кимжа. – Архангельск: Правда Севера, 2007.– 92 с.
10. Окладников Н.А. Край родной Мезенский: очерки о прошлом Мезенского края.– Архангельск: Правда Севера, 2009.– 406 с.
11. Пошман А.П. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями : в 2 т.– Архангельск, 1866–1873.– Т. I.– 1866.– 196 с.
12. Шульгин Н.В., Санакина Т.А. Окладникова слободка.– Архангельск, 2004. – 206 с.
13. Энгельгардт А.П. Русский Север: путевые записки.— М. : ОГИ, 2009.— 254 [1] с. : ил.
14. Мезенская экспедиция: [Отчет]: с прил. карты бассейна реки Мезени / сост.: Г.Г.Гулюшкин, М.А.Павловский, Н.Д. Понагайбо, А.Д. Тарановский; под общ. ред. проф. А.И. Шульца и М.Я.Красный.– М.: Гос. с.-х. изд-во «Новая деревня» кооп. «Наука и просвещение», 1929. – 676 с.
15. Обзор Архангельской губернии за 1910 год. – Архангельск: Губ. тип, 1912.– 921 с.
16. Дело о доставлении экспонатов на Всероссийскую кустарную промышленную выставку в марте месяце 1902 года в Петербург. ГААО. Ф 6. Оп. 12. Д. 78. Л. 28–29 об.
17. Фирсова Л.Д. Отчёт по историко-бытовой экспедиции в Мезенский район в августе 1962 г, 1963 г. Ф.3. Оп.3. Д.239. Л.6.
18. Цветкова Л.И., Фирсова Л.Ф. Экспедиция в Мезенский район. – Архангельск, 1982. Ф.3 Оп.3. Д.239. Л. 6.
19. Иванова А.И., Кондратьева В.Г. Отчёт о командировке в Мезенский район. – Архангельск, 1992. Ф.1 Оп.1 Д. 1761. Л.13.
20. Кондратьева В.Г, Чуракова Н.Н. Отчёт об экспедиции в Мезенский район. – Архангельск, 1991. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1738. Л.4.
21. Богданова А.Г. Гончарный промысел Мезенского уезда конца XIX начала XX в. // Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона : сб. статей междунар. науч.-практ. конф.– Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2006.– Вып. 1.– С. 312–318.
22. Ларин О.И. Красные кони на золотом поле // Поклонись дереву.– М., 1985.– 128 с.
23. Тарановская Н.В. Народное искусство Архангельской области // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.– М., 1961.– Вып. XXXVII.– С. 27–38.